

СТАЛКЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ЧЕРНОГО СТАЛКЕРА

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Закон Черного сталкера

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон Черного сталкера / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-117457-6

Снайпер сделал все, чтобы оживить своих погибших друзей. Совершил невозможное. И они ожили... Когда настоящий сталкер очень хочет чего-то, Зона обычно выполняет его желание. Только не придется ли после этого пожалеть о том, что оно сбылось?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117457-6

© Силлов Д. О., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Автор искренне благодарит	6
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Силлов

Закон черного сталкера

Фантастический роман

Издательство признательно Борису Натановичу Стругацкому за предоставленное разрешение использовать название серии «Сталкер», а также идеи и образы, воплощенные в произведении «Пикник на обочине» и сценарии к фильму А. Тарковского «Сталкер».

Братья Стругацкие – уникальное явление в нашей культуре. Это целый мир, оказавший влияние не только на литературу и искусство в целом, но и на повседневную жизнь. Мы говорим словами героев произведений Стругацких, придуманные ими неологизмы и понятия живут уже своей отдельной жизнью подобно фольклору или бродячим сюжетам.

* * *

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д. О. Силлов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

* * *

Он обещал.

И он сдержал свое обещание.

Правда, уже успел пожалеть об этом...

Он ожидал, что что-то пойдет не так. В гильзы со смятым дульцем, внутри которых содержался биоматериал мертвых товарищей Снайпера, намертво въелась синяя пыль Монумена, которая наверняка частично проникла внутрь и повлияла на образцы тканей.

Но он не предполагал, что повлияла настолько сильно...

Академик Захаров с ужасом смотрел на существ, которые поднялись из автоклавов.

Созданные им безликие матрицы, куски аморфной биомассы, лишь отдаленно напоминающей человеческое тело, получив даже одну полноценную клетку, несущую информацию обо всем организме, тут же начинали меняться. И через некоторое время из автоклава вставало полноценное существо, фактически воссозданное из этой самой единственной клетки. Помнящее все, что было с ним до момента гибели...

Но только не в том случае, когда на процесс воскрешения повлияли крохотные частички Монумена – самой коварной аномалии Зоны, умеющей исполнять желания тех, кто имел несчастье до нее добраться. Правда, исполняла она их так, что пожелавший или умирал в страшных мучениях, или после мечтал о смерти как об избавлении.

Их было пятеро. Оживших существ, внушающих ужас одним лишь своим видом.

Над всеми возвышался гигант в изуродованном экзоскелете, намертво вросшем в его тело. Захаров даже не ожидал, что его автоклавы с искусственным интеллектом умеют такое. Однако поди ж ты, воссоздали погибшего вместе с броней, ставшей уже неотъемлемой частью его организма...

Правда, вряд ли гигант был рад этому.

Сквозь многочисленные дыры в ржавом экзоскелете буграми выпирала черная плоть, местами уже успевшая растрескаться и сочащаяся гноем. Но странно – гиганта, похоже, это

не особо смущало. Вылезая из автоклава, он разломал его, словно тот был сделан из картона, а не из пуленепробиваемого стекла. Сила мутанта ужасала, как и его вид, вызывающий одновременно и страх, и отвращение.

Рядом с гигантом стояло существо среднего роста, с вполне человеческим телом, перевернутыми сухими, рельефными мышцами. Правда, это тело, полностью лишенное кожи, было красным, похожим на картинку из анатомического атласа. А довольно длинную шею существа венчал пронзительно-желтый глаз, заменяющий голову. Периодически глаз моргал – с затылка и откуда-то снизу на него наезжали кожистые веки, лишенные ресниц, после чего возвращались обратно.

На плечо кошмарного циклопа положила руку девушка, которую можно было бы наверно назвать красивой, если б не ее серебристо-белая кожа со слабым синевато-свинцовым оттенком, похожим на оксидную пленку, которая образовывается на лабораторной посуде, изготовленной из тантала.

Была в этой жуткой компании еще одна девушка, брюнетка воистину неземной красоты. Настолько яркой и вызывающей... что смотреть на нее не хотелось. Особенно – в глаза, настолько прекрасные и пронзительно-внимательные, что на ум сразу приходила легенда о Медузе Горгоне, способной одним своим взглядом превратить человека в камень.

И вишенкой на этом страшном торте являлась двуногая тварь ростом с академика Захарова, похожая на гибкого тренированного гимнаста, покрытого серой шерстью. У «гимнаста» на вполне человеческом лице неестественно выделялись большие, немигающие и очень злые глаза. Уши мутанта напоминали лемурии – полукруглые, мохнатые, развернутые раковинами вперед. Два ряда длинных острых зубов полностью не помещались в широкой пасти этого существа и немного выдавались вперед, отчего казалось, что тварь нехорошо улыбается, показывая свои жуткие жвалы – мол, что не так, сразу горло перегрызу. Мутант, вольготно развалившись, сидел на бортике открытого автоклава и небрежно пощелкивал по нему мускулистым лысым хвостом толщиной с человеческую руку. Щелк-щелк-щелк...

Захарова слегка передернуло. Команда оживших монстров откровенно пугала академика, а хвостатый лемури-человек еще и изрядно бесил своим красноречивым оскалом и особенно этим вот многозначительным пощелкиванием хвостом, больше похожим на живую удавку.

– Вы его оживите, господин ученый, – проговорил хозяин желтого глаза, заменяющего голову. Причем сделал он это своеобразно – на его длинной шее раскрылась черная дыра, из которой раздалась вполне себе членораздельная речь.

– Вы его оживите, – продолжил человек-глаз. – Иначе...

Академик почувствовал, как неведомая и непреодолимая сила приподняла его над полом, словно пушинку. Тут же возникла острая тянущая боль в суставах, словно конечности Захарова привязали к лошадям, которые одновременно потянули в разные стороны, грозя разорвать ученого на части.

– Не надо так с ним, милый, – произнесла металлическая дева. – Он вернул нас к жизни, поэтому нехорошо угрожать такому достойному человеку. Уверена, он и сам поймет, что ошибся, отказывая нам.

– Как скажешь, дорогая, – кивнул головоглаз, после чего боль немедленно отпустила Захарова, а подошвы его ботинок вновь оказались плотно стоящими на полу.

– Я...

Академик поперхнулся и закашлялся. Правда, кашель немедленно прошел, когда невидимая мощная рука участливо пару раз хлопнула его по спине.

– Я могу это сделать, – хрипло проговорил академик. – Но вы должны понять. У меня осталась последняя матрица, и она повреждена. К тому же Снайпер незадолго до смерти держал в руках те гильзы с вашим биоматериалом, в которые вьелась пыль Монуumenta. И уверен, что

для него это тоже не прошло бесследно. Думаю, вам уже очевидно, насколько сильно вы все изменились. И на мой взгляд, уж простите, – не в лучшую сторону...

– Не сказал бы, – ощерилась лемуруподобная тварь. – Лично меня вполне устраивает то, что я стал в два раза выше и, по ощущениям, раза в четыре сильнее. Зубы, конечно, большеваты, но думаю, что с этим я как-нибудь справлюсь.

– Насчет силы – соглашусь, – телекинетик кивнул своим гигантским глазом. – Я и раньше на нее не жаловался, но сейчас такое ощущение, что она меня просто переполняет. А что насчет внешности...

– Милый мой Фыф, – перебила его танталовая девица. – Ты и раньше был далеко не красавец, но ведь я полюбила тебя не за внешность. Поверь, в этом плане ничего не изменилось.

Дыра на шее уroda по имени Фыф расплылась в некоем подобии улыбки. Зрелище не для слабонервных.

Захаров вздохнул и отвел взгляд в сторону.

Сейчас он даже самому себе не признался бы, насколько ему страшно. И дело вовсе не во внешности этих монстров и не в их угрозах. Просто от воскрешенных исходили волны настолько ирреальной, темной, жуткой силы, что у академика аж спина вспотела и руки непроизвольно начали трястись. Он никогда не боялся смерти, считая ее закономерным завершением биологического цикла любого организма. Глупо бояться неизбежного...

Но сейчас ему было страшно. Так же, как когда-то его первобытный предок боялся ночной холодной темноты, полной невидимых ужасов, которые ощущаешь кожей, подсознанием, отчего хочется придвинуться поближе к огню, дарующему свет и тепло.

– Лучше сделайте это, профессор, – жутко сверкнув глазами, проговорила брюнетка. – Уж постарайтесь оживить его. Мне все равно, что там с вашей матрицей и какой-то пылью, которой вы придаете слишком большое значение. Я приму Снайпера любым, но только не мертвым.

– Да-да, приложите все усилия, – ухмыльнулся хвостатый лемур-переросток, явно пародируя Захарова. – А не то...

Он легко завязал свой хвост в узел, отчего по автоклавной разнесся противный хруст и скрип кожи.

Академик невольно потер шею. У него было богатое воображение, и он очень наглядно представил себе, что будет, если эта тварь вознамерится его придушить своим хвостом. Медленно так, уставившись ему в глаза своими круглыми гляделками... Уффф, лучше уж пулю в лоб. Или, на худой конец, самому повеситься. Быстро и без таких вот предсмертных кошмаров...

– Хорошо, – кивнул Захаров. – Но помните, я вас предупредил о том, что понятия не имею, в кого превратится ваш друг.

– Вы, главное, постарайтесь, господин академик, чтобы он превратился в самого себя, – учтиво проговорил доселе молчавший гигант в полуразвалившемся экзоскелете. – А остальное уже не ваша забота.

* * *

Процесс шел медленно, и, похоже, пятерым наблюдателям надоело смотреть на то, как безликая матрица неторопливо обретает очертания человека, лежащего в стеклянном саркофаге.

– Кажется, все идет вполне успешно, – нарушила молчание танталовая девица.

– И, думаю, нам вовсе не обязательно дожидаться окончания процесса, – подхватила ее мысль красавица-брюнетка. – Мы ожили, значит, оживет и он.

После чего немного растерянно добавила:

– Странно. Минуту назад я была уверена, что до безумия люблю этого сталкера. А теперь смотрю на то, как он возрождается... и ничего. Что есть он, что нет его – все равно.

– Любовь – тяжелая ноша, – философски заметил Фыф. – И в некоторых случаях избавление от нее – это благо, а не горе.

И тут же поспешил добавить, повернув свой глаз-голову в сторону металлической девы:

– Разумеется, я не имел в виду нас, дорогая.

– Мне вообще кажется, что во время воскрешения та самая пыль Монумена исполнила наши затаенные желания, – подал голос лемуру-человек, потрогав лапой свои торчащие уши. – Я всегда мечтал стать большим и сильным человеком. Именно человеком, а не забавной разумной зверюшкой. Не скажу, конечно, что это желание исполнилось полностью, но, по крайней мере, я почти доволен тем, что получилось в итоге.

– Я тоже мечтал о безграничной силе, – задумчиво произнес Фыф.

– А я – о неуязвимости, – проговорила его подруга, машинально проводя пальцами правой руки по предплечью левой. – Особенно за мгновение до смерти, когда мое совершенное тело рвали пули.

– Наверно, я и правда хотела избавиться от этой любви к Снайперу, – негромко проговорила брюнетка. – Когда знаешь, что он на самом деле думает о другой, любовь превращается в пытку...

– А я мечтал возродить свою группировку, – проговорил гигант в ржавом экзоскелете. – И, думаю, нам и правда пора. Мы ожили благодаря Снайперу, и, благодаря нашим усилиям, скоро оживет он сам. Так что между нами нет Долга жизни, а значит, мы вполне можем заняться своими делами. Только оружие бы раздобыть где-нибудь.

– И снаряжение, – добавил человеко-лемур. – А то бегать без штанов по Зоне – то еще удовольствие.

И многозначительно посмотрел на академика.

– Комплекс разграблен бандитами, – развел руками Захаров. – Сейчас это полностью пустое здание, которое предстоит еще долго восстанавливать...

– Ой ли? – прищурилась брюнетка. – Помнится, я мечтала еще и о том, чтобы залезть в голову Снайпера и прочесть его истинные мысли в те моменты, когда он обнимал меня. Его голова меня больше не интересует, зато я ясно вижу, что творится в вашей, профессор. Так что, думаю, нас интересует ваш секретный склад 2А, в котором мы найдем все, что нам нужно. Конечно, я понимаю, вы сейчас жалеете о том, что оживили нас, но, тем не менее, не пытайтесь завести нас на склад 1А, где нет ничего интересного, кроме мгновенно убивающих ловушек, заготовленных как раз для такого случая.

– Вообще-то я предпочитаю, чтобы меня называли академиком, – немного растерянно пробормотал Захаров. – Поверьте, я даже не думал...

И осекся.

Потому что думал, не подозревая о новых способностях этой девицы... Как ее называл Снайпер в своих книгах? Кажется, Рут?

– Именно так, профессор, – со змеиной улыбкой на губах проговорила брюнетка. – А теперь ведите нас на склад. Конечно, мне нравится моя новая фигура, которая однозначно стала лучше прежней, но стоять тут в чем мать родила мне, признаться, уже порядком надоело.

* * *

Пули били в мою грудь, и я чувствовал, как они раздирают мышцы, ломают ребра, рвут в клочья легкие... Как на выдохе из горла рвется не перегоревший воздух, а горячая кровь, которой я еще не успел захлебнуться.

Однако все это было неважно. Потому что мне нужно было доделать начатое. А именно – добежать до человека, который стрелял в меня почти в упор, и вонзить сверкающий синевою штык ему в лицо.

Но пули толкали меня, тормозили, отбрасывали назад, с каждым толчком вышибая из меня силы и жизнь. До стрелка оставалась метра три, не больше, когда пришло понимание – не успею. Он убьет меня раньше, чем я добежу до него.

И тогда, с последним выдохом, от которого кровь рекой хлынула через рот, я метнул свой автомат на манер копья, мечтая лишь о том, чтобы умереть после того, как я увижу, что мой бросок достиг цели...

Но автомат, вырвавшись из моей руки, будто завис в воздухе, и словно кинжальный росчерк цвета чистого неба сияла на конце ствола моя «Бритва», острием направленная точно в цель, но так и не достигшая ее. И лишь вспышки на дульном срезе вражеского автомата продолжали мигать, а пули снова и снова рвали меня в клочья, вышибая фонтаны кровавых брызг, летящих мне прямо в глаза...

Мир исчез, залитый моей горячей кровью, которая, словно вязкая смола, плотно стянула веки, не давая открыть глаза...

Но я был настойчив. Мне было очень важно увидеть, достиг ли цели мой бросок. Поэтому я очень старался разлепить ресницы, которые казались неподъемными, словно были отлиты из свинца. И плевать, что пули продолжали толкать меня в грудь. Гораздо больше, чем остаться в живых, я хотел видеть смерть своего врага!

И у меня получилось!

Проклятые веки наконец разлепились, но яркий свет, ударивший по глазным яблокам, заставил меня зажмуриться... И осознать, что я не бегу по коридору навстречу смерти, а лежу на чем-то твердом. При этом не пули толкают меня в грудь, а ладони кого-то, кто, хрипло выдыхая при каждом движении, пытается сделать мне массаж сердца.

Значит, все увиденное только что было лишь сном. Обычным кошмаром, которые люди видели сотнями за свою такую длинную жизнь – так же, как видел их я, пока меня не убил профессор Кречетов в коридоре научного комплекса¹.

Однако я все равно жив.

Снова жив.

Зачем-то...

– Уфф, очнулся, – нервно проговорил надо мной знакомый голос. – А я уж думал, что ты снова умрешь, а потом твои друзья узнают об этом, вернутся и открутят мне голову. Слава Зоне, что они ушли, а то, боюсь, я бы уже был на том свете. У тебя сердце остановилось на четыре минуты, и за это время они б меня точно убили. Просто твоя матрица была сильно повреждена, практически не годна к использованию, но не мог же я им сказать об этом. Но я не терял надежды, проводя реанимацию...

Все мое тело страшно болело, будто каждая косточка была в нем раздроблена и острые края обломков впивались в мясо. Но слушать эти причитания над собой было еще более невыносимо. Поэтому я с усилием разжал челюсти, чтобы попросить своего спасителя наконец заткнуться, но вместо слов из моего горла вырвался хриплый стон.

– Отлично! – фальшиво обрадовался голос. – Можно сказать, что оживление прошло успешно! Сейчас все будет!

В мою руку вонзилась игла. По венам стремительно разлилось что-то горячее, отчего сердце сразу же стало биться быстрее. Жидкое пламя ударило в голову, я довольно легко снова открыл глаза... и увидел склонившееся надо мной лицо академика Захарова.

¹ Об этих событиях можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон бандита» литературной серии «СТАЛКЕР».

– Ну, как мы себя чувствуем? – поинтересовалось лицо, расплывшись в натянутой улыбке. – Что помним из прошлого?

Что помним?

Я помнил все, до последней детали.

И как моя «Бритва» пробила череп Кречетова, убившего меня, и пол, стремительно приближающийся к моим глазам, и холод вдоль позвоночника, который мог значить только одно – Сестра, отказавшаяся от меня, посетила своего незадачливого побратима в последний раз, чтобы навсегда забрать в свой мрачный мир, откуда нет возврата...

Пагубное заблуждение.

Меня снова вернул оттуда этот чертов старик, который сейчас столь наигранно пытался казаться любезным.

– Вы... обещали не оживлять меня, – прохрипел я. – Почему... вы не сдержали слова?

Захаров напряженно засмеялся и беспомощно развел руками.

– Меня вынудили ваши друзья. Сначала это был юноша по прозвищу Нокаут, который взял с меня слово вернуть вас к жизни, после чего ушел, пообещав вернуться и отрезать мне голову, если я его обману. Он очень спешил, как я понял, много дел у него накопилось на Большой земле... Очень надеюсь, что больше его никогда не увижу. Потом я оживил ваших друзей, как обещал вам ранее, и они потребовали того же, что и Нокаут. Поверьте, выбор у меня был небольшой. Или выполнить их приказ, или умереть в мучениях. Конечно, в подобных условиях сдержать слово, данное вам, было бы благородно, но, на мой взгляд, никакие слова не стоят человеческой жизни.

– Я бы... сдержал, – проговорил я.

Речь давалась мне все еще непросто, но огненное снадобье академика делало свое дело. Боль отступала, в мое тело стремительно возвращались силы. Я уже даже мог пошевелить пальцами. Еще немного, и можно будет рискнуть приподняться.

– Не сомневаюсь, что вы бы сдержали, – поджал губы Захаров. – Порой мне кажется, что вам нравится умирать, ибо вы делаете это с весьма странной настойчивостью. А вот мне хватило одного раза, дабы понять, что я не сторонник такого рода развлечений. Так что не обессудьте, друг мой, и примите бесплатно то, за что другие готовы были бы отвалить безумные деньги. Кстати, если вам так не нравится жить, вы всегда можете все исправить, собственноручно сведя счеты с жизнью, только я уже не буду иметь к этому отношения. Тем более что повод у вас для этого имеется, и весомый.

Я не совсем понял, о чем сейчас говорит ученый, да это было и не важно. Я пытался встать, и у меня это с грехом пополам получалось. Приподнявшись на локте, я окинул взглядом знакомое помещение и спросил:

– А где же мои ожившие друзья?

– Ушли, – раздраженно пожал плечами Захаров, который явно обиделся. – У них внезапно нашлись дела поважнее, и они предпочли заниматься ими, нежели лицезреть процесс вашей биореконструкции.

– Странно, – удивился я. Может, Харон и мог так поступить, но остальные – вряд ли. Особенно Рудик и Рут. – Может, вы их и не оживляли вовсе?

Захаров оскорбленно хмыкнул и повернулся ко мне спиной.

– Печально, что вы обо мне такого мнения. Однако я предвидел подобный вопрос, поэтому получите ваше доказательство. Грета, покажи.

Под потолком что-то зажужжало. На белой стене помещения, судя по всему, служащей одновременно и экраном лабораторного кинотеатра, появилось прямоугольное светлое пятно. Замелькали кадры – автоклав, в котором матрица медленно принимает форму человека, и столпившиеся возле стеклянного гроба существа... которые были лишь отдаленно похожи на моих друзей.

– Не удивляйтесь, – бросил через плечо академик. – Это последствия воздействия пыли Монумента, которая оказалась на ваших гильзах – заметьте, не по моей вине. Впрочем, ваши друзья не особенно горевали по поводу изменения своей внешности. Скорее наоборот. А вот с вами, уж простите, небольшая неувязка вышла. И, опять же, я здесь ни при чем. Я предупредил этих красавцев, что моя последняя матрица повреждена, но для них было важнее вернуть вам Долг жизни, нежели подумать о вашем будущем...

Захаров запнулся и кашлянул, пытаясь скрыть смущение. Похоже, он жалел сейчас, что в запале брякнул лишнее. Но я его услышал и задал вполне закономерный вопрос:

– Говорите, матрица была повреждена? Господин ученый, скажите честно – что со мной?

Академик отвел глаза в сторону.

– Главное, что вы живы... наверное.

И запнулся.

– Не понял. Что значит «наверное»?

Захаров вздохнул.

– Понимаете... Я не знаю. Только что я не реанимировал вас. Вы просто очнулись – и все. Кровяное давление и пульс на нуле. Зрачки расширены. Температура тела двадцать один градус, такая же, как в помещении. К тому же сейчас я колю вашу руку острием скальпеля, а вы не реагируете. Все это признаки посмертных изменений организма. Но, тем не менее, вы живы!

Я посмотрел вниз.

Действительно. Академик держал скальпель, кончик которого был вонзен в мой указательный палец... который не реагировал на боль. Потому что ее не было.

Но поразил меня не вид блестящего хирургического инструмента, погруженного в мое мясо.

Моя рука была черной! Изуродованной, похожей на узловатую ветку горелого дерева с растрескавшейся корой вместо кожи. И из ранки, оставленной скальпелем Захарова, медленно стекала вниз тягучая капля гнойно-зеленоватой крови.

– Мне уже приходилось видеть кровь такого цвета, – медленно проговорил я.

Странно, но увиденное меня не шокировало. Возможно, за время своих многочисленных походов в Зону я привык ко всему и удивить меня чем-либо стало очень трудно.

– Увы, я ничего не мог сделать, – истерично воскликнул Захаров. – Я просто не хотел умирать, и поэтому...

– Поэтому оживили меня посредством бракованной матрицы, предназначенной для создания киба, – закончил я за него.

Академик поперхнулся криком, замер на мгновение – и тут плечи его поникли.

– Простите меня, – прошептал он. – Пожалуйста, простите. Судьба – злая штука. Я помню, как вы просили меня не делать из вас киба, и я обещал вам... Вы вернули мне мой комплекс, пожертвовали жизнью ради этого, выполняя данное мне слово, а я...

Не люблю я этих мелодрам. Поэтому я невольно поморщился – и услышал, как мое лицо слабо затрещало, словно рвущаяся тряпка. Но на это было уже наплевать. Сейчас я хотел лишь одного.

– Господин Захаров, сделанного не воротишь, – сказал я. – Поэтому прекратите истерику и дайте мне зеркало.

Академик стер рукавом набежавшую слезу и с испугом посмотрел на меня.

– Может, не надо...

– Надо, – жестко сказал я.

И попытался сесть.

Удалось это не сразу, тело пока что слушалось меня неважно. Но – удалось. Странно это, конечно, – двигаться, ничего не чувствуя, но я, наверно, смогу привыкнуть. Ибо альтернативы все равно нет.

Скрипя суставами, я, наконец, уселся на койке как раз в тот момент, когда Захаров принес небольшое квадратное зеркало на деревянной подставке, явно еще советского производства. Не удивительно. Люди его возраста должны ценить и любить вещи из той великой страны прошлого, которая однажды совершенно неожиданно разрушилась, подобно Четвертому энергоблоку, казавшемуся таким надежным и долговечным.

Я взял в руки зеркало, примерно представляя, что там увижу.

И потому не удивился, лишь скривился от омерзения...

На меня смотрела отвратительная харя, отдаленно похожая на человеческое лицо, хаотично облепленное черной, бугристой плотью, в которую несимметрично воткнули красные глаза, лишённые век и ресниц. Радужка тоже красная, как и белок – если эту массу цвета крови можно назвать белком. И зрачок крохотный, как булавочный укол, почти незаметный. Внизу, под неровной опухолью, заменяющей нос, вместо рта протянулась кривая черная щель. В общем, на редкость мерзкая физиономия.

– У киба, которого я видел недавно, рожа была красная, – заметил я, невольно проводя кривыми пальцами по тому, что очень условно можно было назвать лицом. – И глаза желтые.

– Нормальный... кхм... рабочий киб имеет температуру тела, близкую к человеческой, – вздохнул академик. – И сердце у него бьется, и кровяное давление присутствует. Если честно, я не знаю, что вы такое. Исходя из показаний приборов, вы труп, но...

– Это Зона, господин Захаров, – сказал я, кладя зеркало на койку. – Здесь возможно всякое. И да, у меня к вам просьба. Я понимаю, что боевой костюм киба стоит недешево, но не могли бы вы дать мне его в долг на время? Уверю вас, я рассчитаюсь сполна. Просто не хочу пугать окружающих своей... как бы выразиться помягче... внешностью.

– Да-да, конечно, понимаю, – засуетился академик. – О чем вы говорите, берите насовсем и бесплатно. Пройдете в мой спецсхрон, выберите тот, который понравится.

* * *

...Спецсхрон Захарова впечатлял.

Комната размером метров в тридцать квадратных была скрыта за раздвижной панелью в стене коридора. Вдоль двух стен, словно пустые рыцарские доспехи, стояли черные бронекостюмы, в которых по научному комплексу расхаживали кибы. Третья стена была сплошь увешана оружием. На полу стояли цинки с патронами и ящики с непонятной маркировкой.

– Энергетические капсулы для молниеметов и магазины для пушек Гаусса, – пояснил академик, заметив мой взгляд. – Кстати, оружие себе тоже подберите по вкусу.

– Благодарю, – с усилием кивнул я. Новое тело пока еще слушалось плохо. Хотя Зона его знает, временно это или навсегда.

– Бронекостюм является дополнением к телу киба, – словно прочитав мои мысли, пояснил академик. – Это самообучающийся модуль, который сглаживает ошибки... кхм...

– Бракованных матриц, что идут на производство кибов, – продолжил я за него. Хорошо хоть моя речь немного восстановилась, и можно говорить без жутких хрипов. – Кстати, а дыхание у меня – это необходимость или атавизм, типа аппендицита?

– Не знаю, – пожал плечами Захаров. – Вы не обычный киб, много несоответствий с базовыми моделями. Не исключаю, что...

Но я уже не слушал ученого. Когда я выбираю снаряжение и оружие, мне не до разговоров.

Бронекостюмы здесь были двух видов – тяжелые экзоскелеты с пневмоприводами, благодаря которым можно при желании приподнять кабину грузовика, и среднебронированные модули с ограниченной поддержкой двигательных функций. Прыгнуть подальше, чем обычно, получится, но вот от пулеметной очереди в упор такая броня точно не спасет.

Тем не менее я выбрал средний. Всегда предпочитал пожертвовать защитой ради маневренности. Бег в экзоскелете напоминает пробежку беременной самки носорога. Вроде бы и рад разогнаться, да масса не дает, несмотря на пневмоприводы, добавляющие силу конечностям. А в среднем модуле вполне получится и в перекаат уйти, и с линии огня быстро сместиться, и оперативно самому начать стрелять раньше, чем противник соберется тебя прикончить.

Любая броня подразумевает основную одежду – если придется снять поврежденную бронезащиту, не в трусах же по Зоне рассекать. Поэтому для начала я подобрал себе стандартный легкий хлопковый комбез с капюшоном и надежные берцы. После чего приступил к облачению в киевскую броню.

Покончив с этим, я попытался подвигаться. Получилось, но без удовольствия. Создатели модуля не заботились о комфорте уродов, которые будут в них запакованы. Там давит, здесь жмет. Но в целом жить можно, если не обращать внимания на мелкие неудобства. Хотя шлем, например, порадовал. Снаружи – сплошное черное яйцо, а внутри – стопроцентный обзор. Куда голову ни поверни, все видно. И зум продуманный. Прищурился – и через полсекунды получил шестикратное увеличение картинки. Очень удобно при стрельбе с открытого прицела.

Поскольку модуль повышал грузоподъемность, я позволил себе несколько превысить и огневую мощь, и носимый боезапас. На пояс, специально для этого интегрированный в бронекостюм, я повесил две кобуры с револьверами РШ-12. Ни у одного торговца в Зоне я эти громоздкие «слонобои» не видел, только у Захарова. Очень редкое оружие. Мощное, крайне надежное, но тяжелое и громоздкое. Хотя модульные мышечные усилители должны потянуть их неслабую отдачу.

Ради взаимозаменяемости под тот же патрон, что и для револьверов, взял я крупнокалиберный штурмовой автомат АШ-12. Ходил я уже с ним по Зоне, крутая машинка. Правда, магазин маловат, всего на двадцать патронов, зато на дистанции до трехсот метров противнику не поздоровится даже в бронежилете. Не пробьет, так запреградное действие пули кости переломает.

Во встроенные подсумки на модуле я рассовал магазины и укупорки с патронами. Хотел еще снайперскую винтовку «Выхлоп» взять под тот же патрон, но передумал. Решил, что даже с мышечными усилителями тяжеловато будет, а я еще рассчитывал гранат захватить. Плюс, само собой, мне рюкзак был нужен под жратву и воду, так что сунул я в подсумки еще по три Ф-1 и РГД-5 и на этом закрыл оружейный вопрос. После чего повернулся к Захарову и поинтересовался:

– А что кибы едят?

Ученый усмехнулся.

– Кибы едят любую органику. Желательно быстроусвояемую, но на крайний случай прошлогоднее сено и древесная кора сгодятся. Что подойдет именно вам – не знаю. Но есть одна особенность, которая и вас коснется наверняка. Еда для кибов не главное, они без нее трое-четверо суток могут обходиться. А вот без воды довольно быстро погибают. Так что рекомендую рюкзак не брать, а вместо него подвесить на пояс пару двухлитровых фляг – вон они стоят в углу.

Совету я внял, после чего сказал:

– Благодарю, господин Захаров.

– Это вам спасибо за то, что вернули мне мой научный комплекс, – отозвался ученый. – Кстати, чуть не забыл.

Он подошел к большому сейфу, стоящему в углу, отпер его, набрав код на замке, и достал прозрачный контейнер...

В котором лежала моя «Бритва», спрятанная в ножны.

– Сами понимаете, ваш нож хммм... имеет слишком уникальные свойства, потому я счел, что лучше его хранить в пуленепробиваемом боксе из многослойного бронестекла, – сказал Захаров. – Вот, держите. И открывайте сами.

Я принял от академика увесистый контейнер, щелкнул замком, откинул крышку и достал свой нож – верный спутник в моих путешествиях по разным вселенным, умеющий рассекать абсолютно все, в том числе и зыбкие границы между мирами.

– За то, что сохранили «Бритву», благодарю еще раз, – искренне произнес я.

– Это было несложно, – пожал плечами Захаров. – Правда, стальной манипулятор роботизированного погрузчика слегка оплавился, пока нес ваш нож к контейнеру, а так ничего особенного. И куда вы теперь?

– В Зону, – отозвался я.

* * *

Над Зоной сгущались сумерки.

Хилые лучи заходящего солнца все еще пробивались сквозь свинцовые тучи и, обессиленные от столь тяжелой работы, падали на гладкую, черную, словно залитую мазутом поверхность озера Куписта. Неподалеку от берега из зараженной воды торчала кабина затонувшего грузовика, на которой лежал скелет в полусгнившем камуфляже. На череп мертвеца был натянут рваный советский противогаз с чудом сохранившимися линзами. Солнечные лучи слабо отражались от стекол, и казалось, что труп наблюдает за бронированными дверями, готовясь броситься, если вдруг увидит добычу.

Они вышли из научного комплекса – и остановились, оценивая обстановку.

– Зря мы, конечно, в Зону на ночь глядя поперлись, – проговорило существо, на плечах которого вместо головы покачивался огромный глаз. При этом на его шее мерзко раскрылась дыра, совершенно не похожая на рот. – Надо было внутри дожидаться рассвета.

Ему никто не ответил. Лишь здоровенный громила в ржавом экзоскелете втянул вонючий, пропахший тинной воздух тем местом, где полагается быть носу, и на выдохе произнес:

– Ну, я пошел.

После чего повернулся и, тяжело шагая, направился вдоль берега на север, туда, где возле кромки леса сгущался вечерний серый туман.

– И тебе всего хорошего, Харон, – задумчиво произнес мутант, телом похожий на человека, а головой – на зубастого лемура. После чего, повернув голову к своим спутникам, добавил: – И чего теперь делать будем?

– Мы с Настей тоже уходим, – проговорил человек-глаз. – Ей рожать скоро. Я вижу, что при воскрешении плод сохранился, и сейчас он очень хочет есть. А будущей маме нужно надежное убежище, так что, думаю, Толстый лес нам для этих целей вполне подойдет...

– Удачи вам, – прервала его красавица-брюнетка. – Ну, а я, пожалуй, к Петровичу пойду. Он, небось, уверен, что я умерла. Обрадую старика.

– А я домой отправлюсь, – потянулся антропоморфный лемур, хрустнув суставами. – В мир Кремля – если тот портал еще не закрылся, конечно. Похоже, Рут, нам обоим на юг?

Брюнетка пожалала плечами.

– Если хочешь, пошли вместе.

И, окинув взглядом его мускулистую фигуру, добавила:

– Только учти. Будешь приставать – гляделки выдавлю.

– Да я ни о чем таком даже не думал, – выпучил мутант и без того огромные глаза. – Обязуюсь вести себя тихо-мирно. Я вообще очень воспитанный и интеллигентный, в библиотеке родился.

– Ну-ну, библиотекарь, – хмыкнула красавица. – Пошли, что ли, если напросился.

И, глядя в спину уходящим Фифу с Настей, задумчиво произнесла:

– Зря мы разделились, конечно. Вместе из нас могла бы получиться самая мощная группировка Зоны.

– Снайпер верно говорил – одиночкам никогда не стать стаей, – покачал головой мутант.

И увидев, как при упоминании имени сталкера помрачнела девушка, поспешил добавить: – Впрочем, прошлого не воротишь, и вспоминать о нем – гиблое дело.

– Согласна, – кивнула брюнетка. – Кстати, забыла – как тебя звать?

– Рудольф, – галантно кивнул человеко-лемур.

– А, точно, Рудик, – хмыкнула красавица.

– Для тебя можно и так, – недовольно дернул носом мутант. – Ладно, пошли.

* * *

...Тропинка, ведущая на юг, понемногу терялась в серой траве. Но Рудика это не тревожило. Он на удивление точно чувствовал направление, словно в его голову был встроен ментальный компас. Стремительно надвигающаяся ночь его тоже не особо волновала – большущие глаза замечательно видели практически в полной темноте. При этом, к его удивлению, идущая рядом с ним самка хомо тоже не спотыкалась и верно держала направление, не оглядываясь на него. Хммм, интересно. Неужто и вправду дело в той синей пыли, о которой говорил академик, и именно из-за нее они все так изменились к лучшему?..

– Есть хочу, – неожиданно произнесла Рут, прервав размышления мутанта.

– Разделяю, – кивнул Рудик, желудок которого тоже подавал тревожные сигналы. – Надо найти подходящее место для привала. Разведем костер как приличные люди, тушенку разогреем.

Перед выходом из комплекса академик Захаров выдал каждому из оживших не особо новый камуфляж, поношенные берцы, флягу с водой, брезентовую сумку через плечо и по две банки тушенки. Рут завелась было насчет какого-то спецхрона, грозя академику лютой смертью, но громил в ржавом экзоскелете ее осадил. Типа, хватит вымогательством заниматься, для начала и это сойдет. Скажи спасибо, что вообще тебя оживили. Мол, нормальную экипировку и оружие сами в Зоне добудем, а ученый еще может пригодиться.

Кстати, Харон и от шмота отказался. Вместо этого взял еще одну жестянку с консервированной говядиной и тут же все три сожрал. Остальные, покинув автоклавы, таким аппетитом похвастаться не могли – Рудика, например, до сих пор подташнивало после воскрешения. Но жрать уже хотелось, несмотря на тошноту, да и ночь вот-вот наступит. А ночью бродить по Зоне не рекомендуется даже с глазами в полморды, ибо это время охоты для хищных мутантов.

Правда, оказалось, что не только для мутантов.

Трое хомо вышли из-за деревьев, направив стволы на Рудика и Рут.

– Ну-ка, ну-ка, кто тут у нас? – гнусавым голосом проговорил один из них – автоматчик, одетый в толстовку с капюшоном, мятые спортивные штаны и разбитые кроссовки. – Я уж думал, что ночью никто не попадется. А тут – опа-на, лохи прямо к нам колеса катят.

– Тут по ходу одна лошица, и с ней «отмычка»-очкарик, – прищурившись, сказал второй, в руках которого удобно, словно домашний кот, устроился обрез старого охотничьего помпового ружья МР-133 с пистолетной рукояткой и трубчатым подствольным магазином.

– Да ладно! – восхитился третий. – Реально телка, что ль?

– А то! – облизнулся автоматчик, похоже, главарь небольшой банды, подходя ближе и подслеповато шурясь. Хомо очень плохо видят в сумерках, а уж ночью вообще слепцы без своих фонариков.

А еще хомо всегда надеются на свое оружие. Не на себя, не на ловкость свою, не на опыт и силу, а на ствол в руках, словно он самый могущественный на свете артефакт, способный

защитить своего хозяина от любой беды. Дай его бесхвостому двуногому – и все, он считает себя богом!

И это зря, конечно.

Пока Рудик размышлял, вожак бандитской шайки сделал еще два шага – и остановился, выпучив глаза.

– Это... не очкарик, – проговорил он внезапно подсевшим голосом. – Это...

И, не договорив, резко вскинул свое оружие.

Но выстрелить не успел. Потому что Рудик зашипел. Страшно, жутко, словно тысячи змей внезапно ожили в ночи.

Рудик принадлежал к племени спиоров – низкорослых мутантов, которых в мире Кремля совершенно никто не боялся. Ну яд у них в слюне присутствует, который действует, если только его сильно нагреть. Ну шипеть они умеют, одновременно посылая ментальный сигнал, от которого человек разве что споткнется на ходу, не более.

Конечно, страшно сейчас было Рудиду, привыкшему всего бояться. Но в то же время через тот страх уже неумолимо прорывалась неукротимая ярость, глуша его, загоняя внутрь, заставляя оскалить зубы, сквозь которые рвался наружу тот самый шип...

Нет.

Уже не тот самый.

Другой.

Совершенно другой!

Потому что от этого шипа бандита вдруг снесло с ног, будто ему в грудь крепостным тараном заехали. Автомат полетел в одну сторону, сам он – в другую, в полете сбив с ног дружка с обрезом...

Который от неожиданности нажал на спусковой крючок.

Выстрел грохнул глухо – и грудь главаря шайки развернулась цветком, выбросив наружу фонтан крови и осколки ребер. Видать, обрез был заряжен крупной картечью, которая разворотила грудную клетку бандита.

При виде такого дела третий ловец удачи трясущимися руками поднял пистолет, целясь шипящему «очкарику» между глаз...

Но и ему не суждено было выстрелить.

Резкая боль рванула горло, и на вдохе в легкие хлынула кровь. Бандит захрипел, выронил оружие и даже успел удивиться. Вроде только что черноволосая девица стояла метрах в пяти от него, и вдруг – вот она, рядом, задумчиво смотрит на свои длинные ногти, с одного из которых свешивается окровавленный кусочек кожи.

Его кожи...

Бандит схватился за горло, но горячий поток, хлещущий из разорванной шеи, было не остановить. Ноги подкосились, он упал на колени, и ночь, пахнувшая гнилой листвой, накрыла его, словно плотным, непроницаемым одеялом...

– Надо же, – задумчиво произнес Рудик, подходя к девушке, которая брезгливо вытирала пальцы карманом толстовки, оторванной от одежды убитого. – Я всегда мечтал, чтобы мой боевой шип стал по-настоящему боевым. И вот, поди ж ты, сбылось.

– А я хотела стать такой же, как Снар, – сказала Рут, отбрасывая в сторону грязную тряпку. – Быстрой, умеющей убивать хладнокровно и не раздумывая. Кстати, я тут ни при чем. Этот урод прицелился, а потом я будто со стороны увидела себя, несущуюся к нему с нереальной скоростью...

– Эффект ускорения личного времени, – кивнул Рудик. – Снайпер и правда такое умел. То-то я смотрю, ты тут стояла и вдруг раз – уже там...

– Есть хочу, – перебила его Рут. – И пить. Прямо вот сдохну сейчас, если не попью.

– Понимаю, – кивнул спир, снимая флягу с пояса одного из убитых и протягивая девушке. – Но тут на доньшке.

Рут жадно выпила оставшиеся два глотка, отбросила флягу и сказала:

– Теперь еще больше пить охота.

Рудик внимательно посмотрел на нее.

– Знаешь, мой народ хоть и слаб, но тоже умеет охотиться. И однажды в нашу ловчую яму попал хомо. Скажу тебе по секрету, ничто так не утоляет жажду, как свежая кровь.

– Ты на что намекаешь? – нахмурилась девушка.

– На то, что вон тот идиот с обрезом, который, упав, свернул себе шею, это по идее бурдюк с еще не свернувшейся кровью. А еще я хочу сказать, что свежее мясо гораздо вкуснее тушенки.

– Фу, что ты несешь? – скривилась Рут. Но ее слова прозвучали как-то неуверенно. Сейчас она, замерев на месте, словно прислушивалась к себе...

– Ты же наша, я чувствую, – сказал Рудик. – Может, с виду ты и стопроцентная хомо, но раньше ты была другой, верно?

– Верно, – потерянно произнесла девушка.

– Смотри, как это делается, – сказал Рудик, подходя к мертвецу, голова которого была неестественно повернута влево.

Спир встал на колени, наклонился, рванул зубами кожу на грязной шее, зубами почувствовав, как лопнула от укуса сонная артерия. Сердце мертвеца уже успело остановиться, но бандит был довольно упитан, поэтому из него хлынуло, словно из переполненного бурдюка.

Но Рудик отпил лишь пару глотков, после чего отлип от жуткой поилки, зажал артерию пальцем ниже разрыва и повернул голову к девушке:

– Ты, кажется, хотела пить. Давай быстрее, пока не свернулась.

Рут, будто загипнотизированная, сделала шаг, другой, третий... Растерянность сползала с ее лица, словно некачественный, раскисший грим актера, расплавившийся от жара софитов. Рудик даже удивился тому, как быстро изменилось лицо девушки. Только что рядом стояла неуверенная, нерешительная хомо – и вот уже к нему идет голодная хищница, зверь, на морду которого зачем-то натянули нежную кожу бесхвостой самки.

– Подвинься, – сказала Рут – и жадно приникла ртом к рваной ране на шее мертвого бандита.

* * *

– Что-то я себя неважно чувствую, – сказала Настя, приложив руку к животу. – Тошнит – сил нет.

– Милая, что с тобой? – забеспокоился Фыф.

– Не знаю. Тянет все вниз. Будто вот-вот рожу.

– Так рано ж еще, – обалдело уставился на нее шам. – Времени-то прошло всего ничего... Хотя – какая разница. Ты приляг, приляг, отдохни.

Настя шагнула к дереву, изуродованному радиацией, и тяжело села на серую траву, прильнув спиной к кривому стволу.

А Фыф стоял и смотрел на свою кио. Так их называли в мире Кремля, военных мутантов-киборгов, сохранившихся со времен Последней войны. Много они с Настей вместе пережили, и сейчас она под сердцем носила его дитя.

Которое шам видел!

Раньше он не умел такого – смотреть сквозь плоть.

Сейчас же все изменилось.

Теперь Фыф мог видеть на много километров, и никакие препятствия не были помехой его новому зрению, для которого не было преград. И сейчас шам наблюдал за тем, как во чреве его любимой ворочается крохотное существо, от вида которого Фыф непременно скривился бы, если б было чем.

Потому что оно было ужасно...

Но это был его ребенок. Его и Насти, которую шам любил больше жизни. И сейчас он успокаивал себя мыслью, что он сам далеко не красавец и что смерть Насти и ее последующее возрождение не могли повлиять на плод. И как знать, к добру или к худу. Фыф на своем веку повидал немало разных существ. Уродов, совершенных с виду, и чудовищ, которые на деле оказывались самыми верными и преданными друзьями, на которых можно положиться во всем. Так что внешность – это далеко не главное...

Настя вдруг словно что-то почувствовала.

– Ты чего свой глаз от меня воротишь? Знаешь чего?

– Нет-нет, дорогая, – поспешно отозвался Фыф. – Может, тебе что-то надо?

– Странное ощущение, – покачала головой кио. – И тошнота вроде к горлу подкатывает, и в то же время голодно как-то. Будто не я есть хочу, а он.

Девушка погладила себя по животу, который округлился едва заметно.

– Понял, сейчас все будет! – воскликнул Фыф, мысленно охватывая своим новым зрением все в радиусе километра.

...Это было непередаваемое ощущение – видеть, как медленно струится внутри деревьев сок отравленной земли, как между их корней копошатся в земле жирные черви, как в густом буреломе, надежно скрытая от посторонних взглядов переплетением сухих ветвей, спит юная самка ктулху, обнимая лапами немного располневший живот.

Она тоже была беременна. Фыф видел, как в ее чреве медленно шевелятся три живых комочка, похожие на эмбрионы человеческих детей. Это на поздних стадиях беременности у них появятся крохотные щупальца и кривые коготки, которые через пару месяцев после рождения превратятся в мощные когти...

Шам поморщился. Зачем ему эти мысли? Его Насте нужна пища, и много, поэтому жирные черви Чернобыльской Зоны ей не подойдут.

А значит, остается только одно.

Фыф мысленно напрягся, совсем немного. Но этого оказалось достаточно, чтобы в полукилометре от того места, где он стоял, разлетелись в стороны тяжелые стволы мертвых деревьев, скрывающие заботливо выкопанное и надежно замаскированное логово ктулху.

А потом случилось страшное.

От костей самочки ктулху стремительно отделилась вся ее плоть, разбрызгивая в стороны кровь, взлетела вверх, над кривыми деревьями, с невероятной скоростью пронеслась по воздуху и мягко шлепнулась на траву возле Насти.

– Что это? – с удивлением спросила кио, глядя на гору дымящегося мяса.

– Твоя еда, – сказал Фыф.

Он был горд собой, как гордился бы любой будущий отец, сумевший быстро и эффективно раздобыть пищу для матери своего ребенка. Правда, где-то подспудно досаждала ему неприятная и назойливая мыслишка насчет того, что он только что убил беспомощную беременную самку. Но Фыф успокаивал себя тем, что та не почувствовала ни малейшей боли, даже не успев проснуться. В Зоне быстрая и безболезненная смерть – это дар, а не казнь. Многим в этом плане везет гораздо меньше. К тому же Настя была голодна, а чтобы накормить свою любимую, Фыф был готов отнять еще сто жизней у кого угодно.

– Спасибо, – слабо улыбнулась кио.

И начала есть.

Правда, съела она немного.

Внезапно ее вырвало только что проглоченным мясом, а потом она, схватившись за живот, скорчилась на черной траве. Фыф увидел, как стремительно намокают кровью между ног ее камуфлированные штаны.

– Что с тобой? – обалдело спросил он.

– Рожжаю яааа!!! – жутко закричала Настя.

...И тут внезапно Фыфа охватило спокойствие, которое случалось с ним очень редко, только во время серьезных битв, когда он был в стельку пьяным. До сегодняшнего дня шам считал, что без алкоголя ему этого состояния никогда не достичь. А тут вот оно как, накрыло сразу, захватило полностью. Просто он откуда-то знал, что нужно делать, и все тут.

Мысленно он облек Настю в мягкий прозрачный кокон, в котором боль, рвущая ее изнутри, растворилась полностью. Легким движением мысли Фыф освободил девушку от одежды, одновременно мягко, но быстро усыпив любимую. Теперь она покачивалась в метре над землей, словно на невидимых волнах, и смотрела приятный сон о том, как они с любимым шамом идут по лугу с высокой зеленой травой навстречу восходящему солнцу. Не было этого у них в жизни и вряд ли будет когда, так пусть хоть во сне увидит такую вот идиллическую картину.

Потом шам осторожно запустил нежные невидимые руки в ее чрево, обнял ими плод, потянул его наружу...

И вздрогнул от неожиданной боли.

Существо, которое должно было появиться на свет, не понравилось чужое вторжение в его теплое, надежное жилище.

И оно ударило.

Ментально.

Настолько сильно, что Фыф покачнулся и едва не уронил спящую Настю.

– Это невозможно, – прошептал он, судорожно дернув шеей, которая едва не сломалась от страшного удара. – Он же еще не родился...

Но, тем не менее, шам видел, что маленький монстр в животе Насти сейчас готовится ко второй атаке. Он еще не умел правильно рассчитывать силы, поэтому первый удар получился слабым. Зато второй обещал быть намного сильнее. Фыф кожей почувствовал, как сжимается пространство вокруг него, словно притянутое невероятной силой, идущей из чрева Насти.

Такой мощи шам не видел никогда.

И понял, что сейчас произойдет...

Зародыш ударит, живот Насти не выдержит силы этой ментальной атаки, лопнув, словно воздушный шар, от избыточного давления – и вместе с ним разлетится на части мозг Фыфа, в который будет направлен ужасный по своей силе удар, мощь которого можно было бы сравнить лишь с мощью выброса, периодически бьющего из чрева разрушенного Четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС...

У Фыфа была секунда, может, две для того, чтобы принять решение.

И он решил.

Мягкие невидимые руки, что пытались извлечь ребенка из чрева Насти, в мгновение ока превратились в жесткую петлю, которая захлестнула тонкую шейку и сдавила ее с ужасающей силой. Фыф всем телом почувствовал, как хрустнули крохотные позвонки...

И внезапно все пропало.

Исчезло ощущение невообразимой силы, готовой обрушиться на него, и шам услышал звук, похожий на облегченный вздох, – то деформированное пространство вернулось в свои обычные границы.

Но дело нужно было доделать, и Фыф, не ослабевая ментальную петлю, потянул снова... На этот раз гораздо сильнее, чем в первый раз.

С омерзительным звуком на серую траву Зоны шлепнулся черный, покрытый слизью бесформенный комок плоти. Фыф лишь мельком взглянул на него – и отвернулся, чтобы ненароком не разглядеть как следует и не запомнить увиденное. Единственное, что он успел рассмотреть, – это торчащий из омерзительного комка отросток, немного похожий на длинную, тонкую, но мускулистую человеческую руку.

Настя не должна была это видеть, поэтому шам брезгливо взял этот комок невидимой рукой и зашвырнул подальше. После чего он усилием мысли нежно вычистил чрево любимой от сгустков, а ноги от крови, небрежным ментальным движением оттер от багровых пятен ее камуфляж, одел девушку, после чего, немного поколебавшись, вскрыл ее память и стер из нее все воспоминания о беременности.

– Так будет лучше, – прошептал он, аккуратно кладя Настю на траву. – Так однозначно будет лучше.

И нежно коснулся ее мозга.

Длинные ресницы кии вздрогнули. Девушка открыла глаза, увидела Фыфа и улыбнулась.

– Кажется, я долго спала, – сказала она. – Видела чудесный сон про нас с тобой.

– Я знаю, – широко улыбнулся Фыф своей шейной щелью. – Надеюсь, ты хорошо отдохнула?

– Почему-то все тело ломит, – пожаловалась Настя.

– Это пройдет, – убежденно произнес Фыф. – Пойдем отсюда.

– Куда?

– Домой, – сказал шам.

Он помог Насте подняться и, нежно обняв ее за талию, повел по тропинке на север, к порталу, соединяющему мир Чернобыльской Зоны и вселенную, в которой после Последней войны прошло более двухсот лет. Фыф был слишком сильно поглощен своей любимой и при этом отчаянно старался забыть о том, что несколько минут назад произошло на поляне, оставшейся за их спинами. Чужие воспоминания стирать просто, это со своими всегда проблема.

Сейчас шам не мог думать ни о чем другом, иначе бы он, скорее всего, заметил незначительное колебание энергии метрах в трехстах позади него – и, обратив свой мысленный взор назад, увидел черный комок омерзительной плоти, длинная и тонкая рука которого дернулась и начала шарить по земле в поисках предмета, за который можно было бы уцепиться.

* * *

В баре было шумно и накурено. Сизый дым от дешевых папирос висел под потолком плотным слоем, хоть топор на него вешай. Перегаром – вчерашним и сегодняшним – тащило так, что похмеляться не надо. Вдохнул – считай, как пятьдесят грамм опрокинул.

Но для посетителей бара такая обстановка была нормой. Сегодня с утра во двор к хозяйну заведения аккуратно зарулил армейский ГАЗ-66 – судя по номерам, машина снабжения с кордона. После чего у бармена в меню, написанном мелом прямо на дощатой стене за барной стойкой, появились дефицитные в Зоне продукты. А именно: непаленая водка с Большой земли, пиво – как в банках, так и в бутылках, киевская полукопченая колбаса и свежий хлеб. Не серый, местной выпечки, а самый настоящий белый! Хоть и черствый, но сталкеры, соскучившиеся по нормальной жратве, и такому были рады.

Так что сегодня в баре был аншлаг. Свободными местами даже не пахло, но это никого не смущало. Если что, сталкерской братии не в падлу было и в очереди подождать возле дверей заведения. Главное, чтоб коллеги по сталкерскому ремеслу все не сожрали и не выпили, остальное ерунда. Ноги ловцов удачи были приучены отмеривать немалые километры по пересеченной местности, так что немного постоять – вообще не проблема.

Тем более что очередь заметно двигалась. То и дело из дверей вываливались перекормленные, хорошо подданные и довольные счастливики, чтобы уступить место страждущим, которых по одному запускал в бар плечистый охранник, предварительно разоружая клиентов. При этом сталкеры абсолютно добровольно сдавали стволы перед входом. Нормальная практика во всех барах Зоны – чисто чтоб упившиеся до беспмятства посетители не перестреляли друг друга по пьяной лавочке. Хочешь разобраться – расплачивайся, выходи на свежий воздух, забери оружие и разбирайся с обидчиком сколько влезет. А в самом баре не смей! Нефиг портить репутацию порядочному заведению.

Все эти неписанные барные законы каждый уважающий себя сталкер знал назубок, потому в этих популярных заведениях конфликтов практически не возникало. Ну, разве что за стойкой кто-то кому-то кулаком харю расквасит. Так это ж разве конфликт? Так, непереносимое условие хорошего и качественного отдыха порядочных жителей Зоны.

Однако то, что произошло в этот вечер, не вписывалось ни в какие рамки.

Очередь понемногу редела. Ближе к вечеру сталкерская братия норовит найти себе приличный ночлег, и если не вышло попасть в бар до наступления темноты – что ж, значит, не повезло. Значит, с утра будем первыми, а до восхода лучше перекаптоваться в безопасном месте.

Но трое самых упорных сталкеров твердо решили дождаться своей очереди, и сейчас, тихонько матерясь и переминаясь с ноги на ногу, следили за дверями бара, чтоб, как только те откроются, тут же ринуться к вожделенной стойке. Они и оружие охраннику сдали заранее, чтоб пройти не задерживаясь сразу, как появится такая возможность.

В другое время они б, может, и обернулись на тяжелые шаги, раздавшиеся за их спинами, но уж больно момент был ответственный. Прозеваешь – и более ушлый сосед проскочит перед тобой, и потом хрен докажешь, что первый в очереди стоял.

Охранник тоже не сразу разглядел в стущающихся сумерках, кто это подвалил к бару на ночь глядя. Судя по габаритам, какой-то здоровенный кабан, и, похоже в экзоскелете.

– Слышь, братан, сегодня в экзо нельзя, – крикнул охранник. – Там народу тьма, ноги людям отдавишь нахрен в своей броне.

– Это хорошо, что тьма, – прогудел, приближаясь, темный силуэт. Масляный фонарь, висящий над входом в заведение, давал мало света, поэтому, когда охранник разглядел, кто перед ним, было уже поздно.

Кулак величиной с человеческую голову врезался в лоб незадачливого секьюрити, и тот, не успев вскинуть автомат, сполз вниз по стене, словно брошенная в нее большая мокрая тряпка.

– Куда без очереди? – заорал один из сталкеров, не разобравшись в ситуации – и, приняв на выдохе страшный удар в грудь, рухнул на землю.

Двое других сталкеров, услышав треск ломаемых ребер, быстрее товарища смекнули что к чему – и, не сговариваясь, одновременно рванули в разные стороны, здраво рассудив, что когда выяснение отношений со стопроцентной вероятностью закончится свернутой шеей, то и фиг с ними, с этими отношениями. Пусть остаются невыясненными.

Громила же, освободив себе путь, открыл теперь уже никем не охраняемую дверь и перешагнул порог бара.

Народу в помещении и правда было много – не протолкнуться. Сидячие места заняты все. Стоячие, за высокими столами без стульев, – тоже. И у стойки толпа. Все чавкают, жуют, глотают, рыгают. В углу вон вообще блюет кто-то, пережрав водки. А народу хоть бы хны. Лишь охранник, брезгливо морщась, крепко держит блюющего за ворот, чтоб фонтан в стену бил, а не на клиентов.

Харон тоже поморщился – и от увиденного, и от услышанного, и от вонищи, пропитавшей бар насквозь. Давно известно: человеку не много надо, чтобы превратиться в свинью, – лишь

раз-другой позволить себе лишнего. А потом очень быстро придет и третий, и четвертый. И не успеешь оглянуться, а ты уже алкаш, для которого бутылка – предел мечтаний, заслонивший собою все остальное.

Правда, от этой беды есть лекарство. Мгновенное. И имя ему – Смерть. Для опустившего человека она часто благо, которое тот просто боится себе позволить. Радикальное средство, разом избавляющее от опостылевшей жизни.

Но не единственное.

Потому что есть еще одно.

Вера...

Та, что заставляет душу и разум очиститься, отмыться от грязи до совершенной пустоты, которую останется лишь заполнить пламенем цвета чистого весеннего неба...

– Братва, а это что за урод?

Голос задавшего вопрос был зычным. Таким только по радио читать об успехах правительств в деле зачистки Зоны от уголовных элементов, которые чихать хотели на любые законы Большой земли – чтоб народ, проникшись впечатляющим оперным тембром, верил каждому слову.

В баре разом стало тихо, если не считать хриплые стоны наконец-то проблевавшегося страдальца. Все, кто был в состоянии это сделать, повернули головы в сторону Харона.

– Мутант, мать его, – растерянно проговорил кто-то.

Но обладатель оперного голоса, который в плечах был косая сажень, разом пресек панические настроения, что всегда возникают, когда люди, привыкшие постоянно носить с собой оружие, осознают: опасность – вот она. А ствол, блин, остался снаружи, за дверями бара.

Однако когда крупный собрат по сталкерскому ремеслу хватает со стола бутылку, привычным движением руки разбивает ее об стену в «розочку» и делает шаг в сторону мутанта, окружающие начинают понимать – не все потеряно. Тварь одна, а нас – много. Значит, справимся! Тем более что вон охранник, который постоянно находится в зале, отпустив блевуна, уже перехватил свой автомат в боевое положение и вот-вот откроет огонь.

– Бей мута! – заорал нерешительный сталкер, который только что от ужаса готов был под стол залезть при виде эдакого страшилища в ржавом экзоскелете, приросшем к уродливому телу. Вопли вообще штука полезная. Храбрости добавляет, куражу и осознания собственной крутости, которая особенно хорошо ощущается в толпе, орущей то же самое, что и ты...

Бармен смотрел из-за стойки на происходящее, и оно ему очень не нравилось. За свой век он много мутантов повидал, однако такое чудовище видел впервые. Но, что самое неприятное, бармен слышал о нем. Будто сдохло оно, сгнуло вместе со своей проклятой группировкой. Оказалось, брехня те слухи. Вон, стоит, паскуда, посреди его бара, и даже обороняться не пытается от пьяной толпы, что вот-вот разорвет его на части. Живые существа, боящиеся смерти, так себя не ведут. Подобное поведение характерно для тех, кто на сто процентов уверен в своих силах.

И эта кошмарная, горелая, бугристая биомасса даже не думала бояться. Внезапно ее гляделки загорелись пронзительно-синим огнем – и тут же этой мертвящей синевой заблестели глаза тех, кто стоял ближе всех к мутанту. Те, кто пытался замахнуться на него, вдруг замерли на месте, словно осознав весь ужас того, что они собирались сделать. Следом стали медленнее движения тех, кто стоял за ними, ибо в их глазах тоже начал разгораться огонь цвета ясного весеннего неба...

Бармен вздрогнул от резкого стука, прозвучавшего во внезапно нависшей тишине словно удар грома. Это выпал автомат из рук охранника, с металлическим лязгом грохнувшись на пол...

И тут до бармена дошло: еще пара мгновений, и эта невидимая волна, что расходилась от мутанта словно круги по воде от брошенного камня, достигнет его тоже, после чего он перестанет быть самим собой...

Однако у каждого правильного бармена под стойкой есть не только заряженный помповый «Ремингтон», удобно лежащий на специальной полке, чтоб всегда быть под рукой. Если бармен действительно правильный, много повидавший всякого в Зоне, у него также имеется в полу люк, мгновенно открывающийся, если нажать ногой скрытую кнопку.

Что бармен и сделал.

Кусок пола площадью около квадратного метра рухнул вниз и повис на скрытых петлях. В образовавшуюся дыру бармен и прыгнул, мягко приземлившись на стопку ватных матрацев, положенных внизу специально для такого случая. Над его головой глухо шелкнул закрывшийся люк – специальный механизм после активации кнопки держал его открытым ровно три секунды, после чего намертво запечатывал секретный подвал.

Стены, пол и потолок этого небольшого помещения были заботливо обиты танковыми бронелистами толщиной тридцать миллиметров. Стоил такой подвал немереных денег, но если жить захочешь – потратишься. Помимо матрацев находились здесь четыре длинных зеленых ящика, в которых лежали пара пистолетов, два автомата, пулемет, серьезный запас патронов и тридцать гранат.

Были тут и другие ящики – с провизией и консервированной водой, на которых можно было прожить две недели, не выходя из подвала. Как только люк захлопнулся, за одной из бронированных стен послышалось приглушенное гудение – это заработала приточная вентиляция.

Бармен обнял себя за плечи и присел на закрытую крышку биотуалета. Его била мелкая дрожь. За свою долгую жизнь он не раз был на волосок от смерти. Но такого лютого ужаса, как сегодня, он никогда не испытывал. Бармен знал: эти сверкающие мертвой синевой глаза, пронизывающие насквозь, выворачивающие душу наизнанку, он не забудет теперь до самого последнего своего мгновения, отпущенного ему Зоной.

...Харон усмехнулся. Он прекрасно видел через пол трясущегося бармена, скорчившегося от страха в своем маленьком бункере. Харону ничего не стоило обратить в свою веру и его, после чего этот жалкий человечек сам бы вылез из своего убежища, чтобы, на этот раз дрожа от невыразимого, нереального счастья, пойти следом за своим повелителем.

Но в то же время Харон понимал: Зоне нужны и бары, и бармены. Потому что они необходимы сталкерам – чисто чтобы тем было где расслабиться, дабы не свихнуться от кошмаров и безысходности зараженных земель. А сталкеры нужны группировке «Монумент», новые члены которой сейчас выходили из бара и деловито разбирали свое оружие. Из сталкеров же получаются отличные солдаты, которых не надо учить обращаться с автоматом и выживать в невыносимых условиях. Дай им веру, и они пойдут за тобой куда угодно, неся в своих сердцах огонь, щедро подаренный им Монументом – самой знаменитой аномалией Зоны.

* * *

Я шел по Зоне.

Куда шел? Зачем?

Ответов на эти вопросы у меня не было.

Научный комплекс академика Захарова остался за моей спиной. Серое, унылое здание. Бетонная крепость, где я снова для чего-то был возвращен к жизни в теле уродливого киба, которое лучше не показывать никому, чтоб случайного зрителя ненароком не стошнило.

С одной стороны, спасибо, конечно, Захарову за бронекостюм, благодаря которому не видно, в кого я превратился. И за оружие, и за припасы...

Да только за каким хреном мне все это нужно?

Экипировался я чисто по привычке, а сейчас в голове, словно заезженная пластинка, крутилась одна-единственная мысль: и почему я не попросил академика усыпить меня? Быстро и безболезненно, как безнадежно больное животное. Моих друзей, которые вынудили ученого вернуть меня к жизни, к моменту моего воскрешения в комплексе уже не было, и, соответственно, никто не мог бы помешать академику выполнить мою последнюю просьбу. Так, может, лучше вернуться обратно, пока недалеко ушел? Вряд ли Захаров откажется вернуть себе дорогую снаряду, которой он меня снабдил, а заодно избавиться навсегда от головной боли в лице моей персоны...

Внезапно мои невеселые размышления прервал жуткий, нечеловеческий вой, от которого у меня мороз прошел по тому, что раньше было кожей. Так страшно даже самые жуткие мутанты не воют – по крайней мере, я не слышал ничего подобного ни в одном из миров, которые исходил вдоль и поперек.

Однако это все-таки оказался мутант.

Он вышел из густого леса, сплошной корявой стеной окружающего озеро Куписта и, спотыкаясь, пошел прямо ни меня, уставившись прямо перед собой красными, немигающими глазами.

Это был ктулху.

Крупный самец, тело которого состояло из переплетения тугих мышц, которым мог бы позавидовать любой профессиональный спортсмен. Они все такие, эти человекоподобные чудовища, способные в несколько больших глотков выпить из человека всю кровь. Оплетет ротовыми щупальцами лицо и шею – и приехали. Был сталкер, а через пять минут одна высохшая мумия от него осталась.

Так умирать мне точно не хотелось, поэтому я вскинул свой АШ-12...

И не выстрелил.

Откровенно говоря, из такого автомата короткой очередью вполне реально было снести мутанту голову. Но я ясно видел – с ктулху что-то не так. Не ходят эти ловкие и быстрые твари, словно пьяные, пошатываясь из стороны в сторону. Видимых ран на теле мутанта не было, тогда что с ним?

А мут тем временем продолжал идти прямо на меня. Медленно, но при этом растопырив во все стороны свои щупальца, как делают это охотники его племени, когда собираются атаковать...

И тут до меня дошло.

Ктулху искал смерти.

Быстрой.

Мгновенной.

Чтоб раз и навсегда избавиться от того, что исторгло из его груди тот ужасный вопль, который я слышал только что. Может, болезнь его какая изнутри жрет, причиняя невыносимую боль? Тогда и правда надо помочь живому существу, избавив его от страданий...

Но тут мой взгляд упал на когтистые лапищи мутанта, протянутые ко мне, с напряженными полусогнутыми пальцами, словно сведенными судорогой...

И я опустил автомат.

Потому что на одном из этих пальцев было кольцо с большим черным камнем, которое я узнал бы из тысячи.

– Ну, здравствуй, Хащц, – сказал я. – Что случилось?

Между мной и мутантом было шагов восемь, не больше. Захоти сейчас ктулху прыгнуть, сбить меня с ног, сорвать с головы бронированный шлем и впиться щупальцами в мою шею – у него бы это сто процентов получилось. Бронешлемы хороши против пуль и осколков, а от неимоверной силы удара когтистой лапой снизу вверх никогда не спасают.

Но ктулху не прыгнул.

Вместо этого он замер на месте, и в его налитых кровью глазах промелькнуло нечто вроде недоумения.

– Кто ты? – хрипло произнес он. – И откуда знаешь мое имя?

– Когда-то меня звали Снайпером, – отозвался я. – А сейчас я и сам не знаю, что я такое.

И, подняв руку вверх, отбросил назад забрало шлема.

– Твою ж маму... – пораженно произнес Хащц, делая шаг назад. – Ты кто, нах?!

– Тот, с кем ты впервые встретился в баре твоей родной вселенной, – сказал я. – Со мной был мой друг, Виктор Савельев.

– А... как назывался тот бар?

– «Смертельная доза».

– И что я там делал?

– Кровь пил из бокала через трубочку.

– И правда Снайпер, – выдохнул Хащц. – Хотя голос тот же остался, и то хорошо. Круто же тебя жизнь потрепала.

Первый шок от неожиданной встречи у него, похоже, прошел – и следом с новой силой нахлынуло свое... Растопыренные щупальца ктулху опали вниз и безвольно повисли, плечи опустились.

– Когда-то ты был моим другом, хомо, – глухо проговорил мутант. – Потому по старой памяти прошу тебя об одной услуге. Застрели меня. Просто подними автомат и выстрели так, как ты умеешь. Я знаю, ты не промахнешься.

– Чтобы искать смерть, нужен повод, – сказал я. – И если он весомый, я помогу тебе ее найти. Но сначала расскажи, что случилось.

– А просто выстрелить не можешь?

– Нет, – покачал я головой. – Тогда это будет убийство старого друга, а не исцеление его от жизни.

– Тогда слушай, – еле слышно проговорил Хащц. – У меня была семья. Помнишь ту девочку... ну, самку ктулху, которую я спас от смерти? То есть мы с тобой спасли. Так вот, у нас с ней все получилось так, как можно лишь мечтать. Это были лучшие дни моей жизни. Мы наслаждались каждой секундой, проведенной вместе. Я даже предположить не мог, что такое бывает. Я построил нам логово в лесу и замаскировал его на совесть. В двух шагах стоять будешь и не догадаешься о том, что в нем живут два самых счастливых существа на свете. А пару недель назад я узнал, что моя девочка носит под сердцем наших детей. Я мог стать отцом, хомо, понимаешь? Что может быть лучше – держать на руках крохотное существо, которое подарила тебе любимая?

Я никогда не думал, что ктулху умеют плакать. В голову не приходило, что эти кошмарные существа способны на такое. Но сейчас по щекам и ротовым щупальцам Хащца катились крупные слезы. Его трясло, словно в ознобе, но он продолжал говорить. Это ему нужно было сейчас – выговориться, выпустить из себя боль, что пожирала его изнутри. Что ж, говори, старый друг, не останавливайся. В подобных ситуациях слова и слезы – это единственная панацея, способная вымыть из головы мысли о самоубийстве.

– Сегодня я ушел на охоту, – продолжал Хащц, с трудом выталкивая из себя слова. – Наши самки быстро вынашивают детей, и моя девочка уже скоро должна была родить. Я уже неделю не разрешал ей выходить из логова, чтобы не растрясти живот. А когда вернулся... Понимаешь, Снар, я нашел в нашем уютном гнездышке только немного крови и голые, совершенно чистые белые кости. Ее большой скелет словно обнимал три крошечных, совсем маленьких...

Хащц закрыл лицо лапами и застонал.

– Как мне теперь жить с этим, когда я закрываю глаза и сразу вижу эту картину? Да и с открытыми она не идет у меня из головы...

– Держись, воин, – жестко сказал я. – Терять любимых – это очень больно, уж я-то знаю. Но могло быть и хуже. По крайней мере, они не мучились.

– С чего ты это решил? – хрипло спросил Хащц.

– Ты говорил, что кости были чистыми. Долго ты был на охоте?

– Нет, – слегка недоуменно произнес мутант. – Полчаса от силы – кабан попался недалеко от логова...

– То есть их мясо не сгрызли, а сняли со скелета, словно перчатку с руки, – подытожил я. – Такое мог сделать только очень сильный псионик. Невероятно сильный. К тому же ты говоришь, что логово было хорошо замаскировано. Но псионики ищут добычу не глазами и не по запаху, а ментально, улавливая энергию мыслительных процессов в голове жертвы.

– Псионик? – переспросил Хащц.

Пока он говорил со мной, его глаза понемногу приняли свой естественный белый цвет. Но сейчас они вновь начали стремительно наливаться кровью. Видимо, смерть любимой настолько прибила мутанта, что он даже и не подумал о причине случившегося. А сейчас – дошло.

И до меня дошло тоже, кто мог это сделать...

Псионики Зоны могут приманить жертву силой мысли, парализовать мозг, отключить боль и есть добычу заживо. Они способны ментально кидать во врагов не очень тяжелые камни, сильный мутант этой породы даже способен поднять противника в воздух и разорвать надвое. Но вот так запросто очистить скелет от мяса может только шам из мира Кремля.

Очень сильный шам.

Мегасильный.

Единственный в своем роде...

– Я найду его и убью! – прохрипел Хащц, захлебываясь ненавистью. – Разорву голыми руками!

Знакомое явление. Горечь потери всегда очень быстро сменяется жаждой мести, которая, будучи свершенной, все равно не принесет облегчения. Боль утраты лечит лишь время – но как это объяснишь тому, кто потерял семью? Сейчас для него существует лишь два выхода – самоубийство или месть... Хотя нет. Глядя на красные, налитые кровью глаза Хащца, я понял, что выход у него теперь только один.

– Понимаю, – кивнул я. – Но брызгать слюнями, растопырив щупальца, словно морская звезда, не лучший способ утолить жажду отмщения. Месть – это блюдо, которое подают холодным.

– Чего? – уставился на меня мутант.

– Блин... Короче, если сейчас ты вот такой весь в благородном порыве ринешься на того мута, он легко и непринужденно сделает с тобой то же самое, что сотворил с твоей семьей, и спокойно пойдет дальше.

– И что же делать? – немного подостыл Хащц.

– Для начала неплохо бы раздобыть тебе штаны и оружие, – заметил я. – Вид у тебя, конечно, впечатляющий, но здесь, в Зоне, принято при виде ктулху сразу стрелять. А в одежде ты издали вполне сойдешь за сталкера.

– Маскировка, – кивнул мутант. – Понимаю. Здесь неподалеку есть сталкерская стоянка. Когда я шел мимо, там как раз какая-то хомо и глазастый мут с обезьяньей башкой жрали тех сталкеров. Думаю, сейчас они уже покушали, и вряд ли им понадобятся чужие шмотки – они и сами нормально экипированы.

– Жрали людей? – переспросил я, не веря своим ушам. – И девушка – тоже?

Кто такой «глазастый мут с обезьяньей башкой», я понял сразу, описание было на редкость точным. А вот девушка, питающаяся человечинной, в картину не вписывалась.

– Еще как, – кивнул Хащц. – Будто неделю не ела. Аж урчала от удовольствия.

– А волосы у нее какого цвета?

– Черные, – отозвался ктулху.

Пазлы со скрипом встали на свое место. Академик Захаров был прав – воскрешение изменило моих друзей.

Страшно изменило.

И не только внешне...

Фыф, которого я знал, мог быть жестоким по отношению к врагам, но он никогда не убил бы беспомощную беременную самку.

Рудик вряд ли стал бы есть человечину, однако это я еще мог с натяжкой допустить.

Но чтобы Рут, нежная и романтическая Рут, урча, пожирала труп... Такого быть просто не могло, она скорее умерла бы от голода.

Но для того, чтобы удостовериться, мне нужно было посмотреть на все своими глазами.

– Где та стоянка? – спросил я. – Пойдем, покажешь.

* * *

– Нереально вкусно!

Рут вытерла свои полные, красивые губы тыльной стороной ладони. На нежной коже остались две темно-красные полоски.

– Ты прав, – добавила она. – Когда-то у меня была другая жизнь, которую я совсем не помню. Но вот этот вкус – да, остался в памяти.

Рудик прищурился.

– Если бы ты не была так похожа на самку хомо, я бы сказал, что ты из племени нео. Повадки, голос, движение... Все неуловимое, но если эти следы собрать в кучу, то можно сделать вывод...

– Хватит! – решительно прервала его Рут. – Мне нравится быть человеком. И мне кажется, что и тебе тоже. Голова у тебя, конечно, своя осталась, но телом ты вполне сойдешь за излишне волосатого хомо. Уши прикрыть, и с трех шагов не отличить от сталкера.

– Думаешь? – усомнился Рудик. – Надо попробовать.

Он размотал бандану с головы одного из недоеденных мертвецов, и неумело начал наматывать ее себе на голову.

– Дай помогу, – усмехнулась девушка.

Она аккуратно загнула уши спира, прижала их и, ловко намотав ткань на голову мутанта, завязала концы на затылке. Пока Рут занималась этим, мутант аж замер и прищурился от удовольствия.

– Готово, – произнесла она, завершив работу.

– Спасибо, – поблагодарил Рудик. И неожиданно для себя добавил: – Знаешь, а ведь у меня никого нет на этом свете. Совсем никого...

– У меня тоже, – отозвалась Рут. – Но это не повод, чтобы броситься к тебе на мохнатую грудь и забиться в рыданиях. Ты, конечно, мутант обаятельный и клинья подбиваешь интеллигентно, что подкупает. Но на ближайшее время у меня нет планов заводить новые отношения.

– А какие у тебя планы? – поинтересовался Рудик.

Рут хищно улыбнулась, сверкнув идеальными зубами, между которыми чернели полоски свежей крови.

– Знаешь, мне надоело, что меня всю мою жизнь пытаются либо убить, либо унижить. Даже не знаю, что страшнее.

– В этом наши с тобой судьбы очень похожи, – вставил спир.

– Так вот, – продолжила Рут, поднимая с земли автомат убитого ею бандита. – Теперь, когда я не пойми откуда получила силу, я хочу убивать и унижать этих напыщенных хомо, которые так гордятся своей породой.

– Уважаю и понимаю твоё желание, – кивнул Рудик. – Но убийство ради убийства скоро наскучит. А вот убивать ради того, чтобы разбогатеть, гораздо логичнее. Сделать себе состояние, а после уйти из Зоны в мир людей, которых интересуют только деньги. Имея солидный капитал, там можно отлично устроиться даже с моей неформатной физиономией.

– Хммм, неплохая идея, – кивнула Рут. – И я знаю, как это сделать быстро.

– Так чего мы ждем? – спросил спир, проверяя трофейный автомат на предмет, заряжен ли он. – Зона дала нам новую жизнь, которую пора изменить к лучшему.

* * *

– У меня странное чувство, – пожаловалась Настя. – В голове словно образовалась пустота. И здесь тоже.

Она положила ладонь на живот.

– Это бывает, – деревянным голосом проговорил Фыф, отведя взгляд в сторону. Теперь, когда его голова стала одним большим глазом, это получилось сделать, только отвернувшись. – Нас оживили, вернули из мертвых. Скорее всего, это какой-то побочный эффект...

Кио остановилась.

– Ты никогда не умел врать, шам. Особенно мне. Скажи, что случилось?

Фыф вздохнул. Ему тоже было, мягко говоря, не по себе от произошедшего. На сердце словно наковальню положили, которая давила, давила, давила...

– Ты была беременна, – выдавил он из себя. – Но ребенок родился мертвым. И... Он был ужасен, Настя. Ты умерла, потом возродилась. И он воскрес вместе с тобой. Видимо, произошли какие-то фатальные изменения...

– Ты его похоронил? – перебила шама девушка.

Фыф покачал головой.

– Нет. Я, как только это увидел, просто выбросил подальше...

– «Это» было твоим ребенком! Нашим ребенком!!! Как ты мог?!

Отливающее металлом лицо Насти перекосилось от ярости.

Она шагнула к шаму, из ее ладоней показались острые кончики танталовых штыков. В такой ярости Фыф не видел ее никогда. Он даже невольно попятился, борясь с желанием выстроить между собой и кио непроницаемую ментальную стену.

Однако Настя быстро справилась с собой. Остановилась и сказала:

– Я хочу его увидеть.

– Не надо тебе на него смотреть, – мрачно проговорил Фыф. – Оно даже мертвое внушает ужас.

– Я хочу увидеть своего ребенка, – упрямо повторила кио. – И если ты еще раз попробуешь очистить мне память, я тебя просто убью. Поверь, шам, я тебя люблю, но свое дитя мне дороже всего на свете.

Фыф тоже любил Настю. Вот такую – упрямую, дерзкую, отчаянную и безумно красивую. Сейчас даже больше, чем раньше. Кожа металлического цвета шла ей, она казалась похожей на серебряную статую. Богиню, сошедшую с пьедестала и каким-то чудом ответившую взаимностью на его чувства...

– Хорошо, – сказал Фыф. – Ты его увидишь. Мы вернемся, похороним его, а после уйдем домой, в мир Кремля.

– Я согласна, – кивнула Настя.

А шам уже смотрел своим ментальным взглядом на то место, куда вышвырнул комочек чего-то мертвого, странным, необъяснимым образом внушающего мерзкий, липкий страх, который начинал ворочаться внутри при одном лишь взгляде на него. Такого Фыф не испытывал никогда, потому и зашвырнул его подальше.

Но сейчас этого куска мертворожденной плоти уже не было там, где ему следовало находиться. Шам недоумевал. Жрать эту пакость не станет даже самый примитивный мутант, сходящий с ума от голода. Так куда ж она подевалась?

...А она никуда и не делась. Просто этой мертвой субстанции не нравилось, что кто-то пытается ее найти, вот она и заблокировала ментальные волны шама, показав тому, что на серой траве Зоны ничего нет.

Хотя это было не так.

Через несколько минут после ее падения на землю к ней, трясаясь от ужаса, подошел лысый чернобыльский еж, которого она просто всосала в себя, отчего немного увеличилась в размерах.

И ей это понравилось. Поэтому, немного подкрепившись, она продолжила.

Живые существа боялись, но беспрекословно подчинялись, идя на ее зов, – и исчезали в бугристой черной субстанции, питая ее и становясь ее частью.

Мертвое ненасытно. За четверть часа ее жертвами стали еще один еж, лесная крыс-мутант и два десятка червей.

Но этого было мало.

Она хотела есть. И расти. В ее случае это было одним и тем же. Но поблизости больше не было ничего съедобного. А значит, нужно было учиться двигаться.

Кривое подобие конечности, данное ей при рождении, немного подросло, став похожим на изломанное щупальце. Но этого хватило, чтобы передвинуться на несколько метров вглубь леса, где с пищей было получше.

Намного лучше!

Молодого кабана-мутанта привлекло шуршание в кустах, и он решил проверить, насколько съедобно то, что там возится. Сунул морду под куст – и ее немедленно облепило нечто скользкое и вонючее настолько, что мут заревел от омерзения и замотал башкой, пытаясь стряхнуть мерзкую субстанцию.

Но она прилипла намертво.

Более того, за несколько секунд она успела выесть глаза мутанта и проникнуть к нему в череп, где еды было просто навалом.

Кабан заревел, чувствуя, как нечто невыразимо ужасное пожирает его изнутри, но рев быстро перешел в предсмертный хрип. Мутант рухнул на землю и забился в конвульсиях. Но его мучения продолжались недолго. Кабан вздрогнул всем телом – и умер. А внутри него уже стремительно разрасталось нечто, получившее наконец вдоволь пищи для строительства собственного тела.

* * *

Растерзанные тела бандитов выглядели жутко. Их убили, обобрали, выпили кровь и съели плоть, выгрызая из мертвых тел самое вкусное – а именно сердце, печень и глаза. Я не разбираюсь в гастрономических изысках каннибалов, это мне Хащц пояснил.

– Гурманы кушали, – сказал он. – Мясом побрезговали, сожрали самое изысканное. Как я понимаю, ты знал ту самку хомо?

Я не ответил. Свыкался с мыслью, что Рут теперь вроде и не Рут, которую я знал, а нечто совсем иное. Оставляющее следы своих зубов на куске недоеденной человеческой печени, валяющейся возле потухшего костра.

Между тем Хащц, поморщившись, раздел третий труп, у которого были только глаза вырваны. Видимо, Рудик и Рут наелись первыми двумя.

– Все остальное в кровище, – пожаловался ктулху, натягивая на себя широкие спортивные штаны, изрядно потертые на коленях, и толстовку с криво зашитыми прорехами. – Разве это одежда? Я теперь не на сталкера, а на бомжа похож.

– Так лучше, чем было раньше, с болтающимися причиндалами, – заметил я. – Теперь капюшон накинь, и нормально. Твои унылые щупла за бороду сойдут, а лапы свои когтистые особо не свети.

– Да знаю я, – поморщился Хащц. – Блин, на мои лыжи только сорок шестой размер налезает. Чуть меньше ботинки натянешь, сразу когти кожу рвут и наружу лезут.

– Грустная история, – заметил я. – Сочувствую, но ничем помочь не могу. Босиком походишь, тебе не привыкать. Ты лучше посмотри, не осталось ли чего из оружия.

– Похоже, все забрали, – сказал ктулху, который лучше меня видел в темноте. – Хотя вон там подальше в траве что-то виднеется.

Мутант сходил в темноту, где кривые деревья отбрасывали глубокие тени, и принес оттуда на редкость неухоженный наган с четырьмя патронами в барабане.

– Сойдет на первое время, – сказал я. – Револьвер вообще оружие надежное, не должен подвести.

Хащц выразительно покосился на мой арсенал, но ничего не сказал. Личной артиллерией, подобранной под себя, что в Зоне, что на войне делятся только в особо крайних случаях. Не таких, как сейчас. Ктулху знал, что с оружием я обращаюсь лучше него, поэтому возникать не стал, а лишь сунул наган в дырявый карман толстовки так, что ствол через прореху наружу высунулся, и воззрился на меня своими немигающими глазами.

А я стоял и думал, глядя на мертвых бандитов, которые все-таки были существами моей породы. Думал про то, что хищники, однажды попробовав человечину, никогда не откажутся при случае полакомиться ею снова. И эти хищники – существа, ради которых я когда-то был готов не задумываясь пожертвовать жизнью.

Когда-то.

Но не сейчас.

Потому что сейчас это были уже не они.

Не Рудик, Рут, Фыф, Настя, Харон, а нечто совсем другое. Горько было признать, но мои друзья погибли. Прав был Болотник: оживлять мертвых – не самое благодарное занятие. Если бы я столь фанатично не пытался вернуть своих друзей к жизни, семья Хащца не погибла бы, а я не стоял сейчас столбом, оцепенев от осознания того, что я натворил.

Но, с другой стороны, сделанного не воротишь. И, надо признать, Хащц имел полное право на мечь. А я со своей стороны не имел морального права отпустить его мстить в одиночку. Потому что Фыф со своей колоссальной ментальной силой убьет его, не пошевелив и пальцем, и еще одна смерть будет на моей совести. Да, я совершил ошибку, вернув к жизни своих друзей, которые превратились в чудовищ.

И теперь мой долг – исправить эту ошибку.

– Думаю, я знаю, куда пошел тот, кто лишил тебя семьи, – сказал я.

– Ну так чего же мы ждем? – с нетерпением отозвался Хащц.

Хотелось мне рассказать ему все – о том, что я натворил, и что ни старый наган, ни моя внушительная ручная артиллерия не помогут против шама, который, похоже, достиг пика своей силы.

Но я не мог. Язык не поворачивался. Порой это нереально трудно – признаться, что на самом деле во всем произошедшем по большому счету виноват ты...

Поэтому я сказал другое.

– Ну, пойдем.

– Далеко? – осведомился Хащц.

– Нет, – покачал я головой. – Следы на земле свежие, ведут на юг. Думаю, если поторопимся, не доходя до Новоселок, мы их догоним.

Мутант нахмурился.

– С юга чем-то нехорошим сильно тащит. Такое ощущение, что мозги нагреваются.

– Это ЗГРЛС шарашит, аж сюда доносится, – сказал я. И, поймав вопросительный взгляд Хащца, пояснил: – Загоризонтная радиолокационная станция генерирует аномальное излучение нереальной силы. Поэтому придется ее обойти.

* * *

Они возвращались.

Фыф знал, куда идти. Он чувствовал своего ребенка... и от этого чувства ему становилось страшно.

Мертвое шевелилось. Жило своей странной жизнью, непонятной для тех, у кого бьется сердце, гоняя по жилам кровь. Оно могло существовать, лишь поглощая живое – в отличие от живых, которые преимущественно едят уже убитую пищу. И то, что оно делало с этой пищей, внушало Фыфу ужас. Сейчас оно ело кабана-мутанта, и это пожирание изнутри напоминало стремительно разрастающуюся раковую опухоль, вследствие которой животное погибло в невыразимых муках...

– Что с тобой? – спросила Настя.

– Я боюсь того, что мы породили, – деревянным голосом произнес Фыф. Он уже освоился с новым речевым аппаратом – говорить шеей оказалось не сложнее, чем раньше ртом.

– Не бойся, – успокоила его кио. – Ребенок всегда узнает свою мать и не причинит ей вреда.

Фыф промолчал.

В голосе Насти было столько нерастраченной нежности, что он не рискнул ей что-то возразить. Когда женщина говорит хорошее о своем ребенке, мужчине лучше не пытаться говорить обратное. Не поймет, не услышит. А в случае с боевым киборгом в девичьем обличье это еще и опасно для жизни.

Они недалеко ушли, потому и возвращаться пришлось недолго. Вот он, лес, состоящий из кривых, уродливых деревьев, и кусты, куда Фыф зашвырнул то, что родила Настя...

И оттуда, из густых, колючих зарослей мутировавшего кустарника, пошатываясь, вышел человек. Судя по одежде, сталкер-одиночка. Дешевый, изрядно поношенный комбинезон с капюшоном, потертые джинсы, кирзовые сапоги, за спиной ружье-двустволка. Сразу видно, небогатый и не особо везучий ловец удачи.

Который вел себя очень странно. Дергающаяся походка, покрасневшие глаза, пальцы рук скрючены...

– Зомби, что ли? – скривилась кио.

– Нет, – покачал головой Фыф. – Не зомби.

Сталкер сделал еще два шага, с трудом поднял голову. Его воспаленные, налитые кровью глаза остановились на Насте. Он захрипел, протянул к ней руки со сведенными судорогой пальцами...

– Ма... ма... – вырвалось из горла несчастного.

– Что? – не поняла девушка.

– Оно у него внутри, – тихо сказал Фыф. – Твой ребенок не может жить самостоятельно. Ему нужно питаться жизненной силой других существ. Оно либо поглощает их, если они меньше его, либо внедряется в более крупных. И пьет их жизнь до тех пор, пока они не умрут. Тогда оно ищет следующего...

– Это нормально, – сказала кио, делая шаг к сталкеру, лицо которого уже посинело, как у покойника. – Все в этом мире убивают для того, чтобы жить. И мой ребенок не исключение.

– Ма... ма... ма... – хрипел сталкер, с видимым усилием переставляя ноги.

– Не напрягайся, милый, – улыбнулась Настя, направляясь навстречу. – Твоя мамочка идет к тебе.

– Не делай этого! – закричал Фыф.

– Только посмей мне помешать! – прошипела кио, повернув к шаму разъяренное лицо. – Ты и так уже чуть не убил моего ребенка!

Фыф взглянул в полные ярости глаза Насти, и из его огромного глаза выкатилась слеза. Он слишком сильно любил свою кио для того, чтобы поступить правильно. Сейчас Фыф был готов убить себя за то, что поддался минутной слабости, рассказав ей все.

И не только за это...

Шам догадывался о том, что сейчас произойдет, но у него не хватило духа во второй раз убить чудовище и очистить память Насти.

Потому что невозможно убить неживое.

Как и насовсем вытравить из головы матери память о ее ребенке...

Настя подошла к сталкеру, смотревшему на нее неживыми рыбьими глазами, и обняла его, как мать могла бы обнять свое дитя, которое встретила после долгой разлуки.

И немедленно изо рта, глаз, ушей несчастного, уже умершего человека, извиваясь, полезла чернота.

Это было похоже на множество щупалец чудовища, спешащего покинуть тесное жилище, в котором уже не осталось пищи. Оно торопилось, ему не хватало проломленных глазниц и разорванного до ушей рта. Поэтому монстр надавил изнутри стеснявшего его черепа – и тот треснул, освободив поток осклизлой субстанции, моментально облепившей голову Насти.

Фыф застонал и закрыл лапами свой единственный глаз. Он мог бы остановить этот кошмар одним движением мысли, отбросив любимую подальше от пакости, порожденной ею. Но он чувствовал, что сейчас, именно сейчас его Настя по-настоящему счастлива. Так, как никогда не была счастлива ни с ним, ни когда-либо еще. И шам не мог лишиться единственное дорогое ему существо этого счастья, потому что знал – Настя никогда ему этого не простит. И сейчас единственное, что он мог сделать, – это не смотреть на происходящее.

Но и это ему не удалось.

Благодаря пыли Монуumenta Фыф при воскрешении достиг слишком высокого уровня, какой не снился даже Великим шамам, о которых среди его племени ходили легенды. И, пока что до конца не научившись управлять собственной силой, Фыф невольно видел внутренним зрением, как жуткая пакость быстро втягивается внутрь кио. Серебристое лицо Насти стремительно покрывалось неровной черной сеткой, похожей то ли на несимметричную паутину, то ли на трещины в неуязвимой танталовой коже.

Отключать свое внутреннее зрение шам пока не умел, поэтому он сделал единственное, что было возможно в подобной ситуации, – развернулся и бросился бежать. В мутировавший лес, под эфемерную защиту деревьев, подальше от жуткого места, где он потерял свою любимую, пожертвовавшую собой ради слепой материнской любви.

Он бежал, а внутри него ужас пережитого быстро сменялся ненавистью – не лучшим лекарством от горечи утраты, но единственно возможным для очень многих. Клины вышибают клином, одно сильное чувство гасится другим.

И сейчас Фыф ненавидел!

Себя за слабость, за то, что не смог скрыть от любимой страшную правду.

Захарова за то, что вернул к жизни его и Настю.

Но больше всего Фыф ненавидел человека, который не дал им умереть окончательно, из-за которого он и его любимая кио превратились в чудовищ.

Сталкера по имени Снайпер.

* * *

Оно вышло из леса прямо на нас. Существо, похожее на человека лишь общими очертаниями и способностью ходить на двух ногах. Его трясло, словно в лихорадке, и из огромного глаза, заменявшего собой голову, на серую траву Зоны катились слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.